

Снег засыпал крыши,
все воскресенье во сне
ежилось, снег, видишь,
может безоружить снег.
Пал, растворив рождество
в воздухе, удалялся
сирены протяжный вой,
патруль не справлялся.

Прислушайся к азбуке Морзе,
строительный шум поправ,
проснись, пока не замерз,
прозвонись, пора.

Радио девяносто
точка один эфэм.
Тотчас эфир уносит
тебя в Будапешт кафе.

Девушка в белом платье,
чья-то любовь, любой
ценой не целуй ее,
любой ценой.

Раздет языком закона
усталый контрабасист.
Он новый рубеж откроет –
времени и России.

Музыка, снег, янтарь.
Ножницы в бардачке.
Все повторится, как встарь:
с новой бабой ночлег,
рождественское хана,
оставленная религия.
Женщина у окна.
Ты едешь к барыге.

Колеса машины вкатывали
крысиную плоть в асфальт.
Прямо под вашим платьем
рукой собирал восстание.

Сколько же денег съедено,
спрячь за высоким забором –
...в петлях меж ребрами зд,
грязно как в скотобойне.

Пока ползет стадион-зенит,
справа васильевский остров:
панорама подобий звериного,
щелкунчику кровь из десен.

Омрачает новая архитектура,
не вдохновляет, ни хрена, нет:
«лахта-лодка» тонет в порту
под тупостью архитекторов.

Нашел о чем говорить, ладно...
есть одно место недалеко
возьмем только бухла туда,
какого-нибудь легкого.

Оставив юные заблуждения
кружить над пугалом нищеты,
думал, где раздобыть денег
да выживших найти в книгах.

Целый вечер смотрел на часы,
ночью без музыки задыхался.
Нас с тобою опять счастливыми
сохранила прочность стиха.

Снег на шапках с еловых веток
только сон по дороге в Вену,
мне милее твое доверие,
сухость губ обветренных.

Я так сдержан, почти что робок,
улыбаюсь, от солнца щурясь,
сам себя из далекой родины
вижу, но все равно ищу.

Наледь крыш, водосточных труб,
блеск заснеженных площадей...
шумную улыбчивую детвору,
и счастливых родителей.